

3. ПУТЬ МАСТЕРА

И. СУДАКОВ

Трамсы, как и другие отряды художественной самодеятельности, являются ярким выражением огромной творческой активности рабочего класса.

Общеизвестны достижения трамсов, которые средствами искусства успешно борются за осуществление боевых задач нашей современности, участвуют в борьбе за промфинплан, участвуют во всех политических кампаниях, с энергией и упорством, присущим побеждающему классу — пролетариату.

Нельзя недооценивать благотворного влияния самодеятельного искусства на перестройку профессионального театра. Общеизвестны и те недостатки, которые имеются в работе трамсов, недостатки, во многом проистекающие от былых стремлений отгородиться от профессионального театра. Пресловутая и теперь уже разоблаченная «теория» о двух непримиримо враждебных потоках — самодеятельного и профессионального театра, приводившая на практике к отказу от овладения культурным наследием, к отказу от освоения мастерства, неизбежно тормозила рост трамсов и снижала их творческую значимость.

Все эти достижения и недочеты имели свое проявление и в практике московского Центрального трамса, который, преодолевая свои ошибки и стремясь овладеть полноценным сценическим мастерством, пригласил нас к себе для учебно-производственной работы.

Во время первых наших встреч часть трамбовского коллектива была еще под влиянием горячих споров и разговоров о том, что трамбовской линии якобы пришел конец, идет мхатовское засилье, наступил конец трамбовской самобытности. И это до известной степени настораживало коллектив. Нас эта сторона дела не пугала, мы понимали, что всякая настороженность

и все опасения исчезнут, лишь только дело подойдет к конкретной работе. Так оно и случилось. Но нас пугало другое. Как бы в насмешку над лозунгами бывших идеологов Трамса и в забавном противоречии с установками прежних руководителей московского Трамса, которые стремились отгородиться от всяческого влияния профессионального театра, от преемственной связи с прежним театром, в Трамсе проникли многие болезни старого театра, хотя самое звание актера еще недавно заменялось в Трамсе званием «взволнованного докладчика».

Коллектив Трамса, имея одаренную молодежь, наряду с некоторыми положительными элементами сценического опыта, приобретал всевозможные штампы и дурные безвкусные приемы актеров типичного старого провинциального театра, что было совершенно естественно, так как бывшие режиссеры не давали молодым актерам даже примитивных, простейших знаний, необходимых актеру для верного поведения на сцене. Наоборот, злостные штампы и уродства насаждались как якобы необходимые и единственно верные приемы игры. Например, для выявления подлинно пролетарских переживаний требовались непременно судорожно сжатые кулаки, напряженные ноги со сжатыми ступнями и пальцами ног и бухающая тяжелая походка, причем речь актера должна была быть «взволнованными» выкриками в зрительный зал. Над теми, кто на трамбовской сцене говорил просто, смеялись и ставили в пример тех, кто безропотно, а часто с молодым увлечением калечил и уродовал себя.

Чтобы быть верно понятым людьми, не знающими секретов актерской техники, чтобы не приписали

40

говорят московские трамбовцы

радостное СОБЫТИЕ

Г. ИВАНОВ

Я пришел в Трамс с завода «Борец». В Трамсе тогда уже шел ряд спектаклей. Роли между трамбовцами были распределены, и мне приходилось только дублировать роли товарищей, неожиданно заболевших или не могущих по-человечески играть в тот или иной день. Обычно дня за два или три до спектакля мне давали текст, я выучивал его наизусть и весь спектакль окупал, ожидая минуты, когда придет моя очередь проговорить свою реплику. Зачем я должен это сказать и как сказать — во всем этом я не разбирался. Партнеров по сцене я не признавал и о них не думал. Они сами по себе, а я сам по себе. А для чего вообще весь спектакль и что такое спектакль, я никогда не знал. Я, бывало, как залажу с первого акта, так прямо и жарю без всяких изменений в образе до последнего. Да и образа даже не было. Были выученные наизусть слова. Удовольствия от спектакля я никакого не получал. Шел всегда на сцену

с неохотой, а иногда прямо до слез неприятно было играть. До сих пор не могу забыть, с каким отвращением примирялся я, когда играл комсомольца-изобретателя в спектакле «Страна должна знать».

Иду, бывало, на этот спектакль, как на наказание какое-то.

Но с приходом к нам в театр режиссеров из МХТ все изменилось. Прежде всего они научили меня общению на сцене. Я уже не трубил слова в воздух, а говорил своему товарищу, который меня слушает. Восприятие партнера привело к тому, что уже захотелось дать ему почувствовать свою линию. Я захотел, чтобы он тоже воспринимал меня. Затем мхатовцы познакомили меня с целью спектакля: для чего спектакль, зачем написана моя роль, какую идею хотел при помощи моей роли провести автор, что я должен сказать теми словами, той репликой, которую я говорю. Когда я понял идею спектакля и идею роли, тогда уж пришла пора думать над образом. Тут прежде всего режиссеры потребовали, чтобы я вообразил, осознал и раскрыл социальное лицо моего героя, т. е. создал его биографию. Итак, совсем для себя незаметно постепенно я вживался в роль Скрипки и до того теперь себя хорошо чувствую, что каждый спектакль «Девушки нашей страны» для меня радостное событие.

я осмелела

В. КОНОНОВА

В Трамсе я с 1928 г. Пришла с завода «Красный богатырь». Первая роль, которую я играла в Трамсе, это роль комсомолки Аси в пьесе «Зови фабком».

На сцене раньше у нас получалось так: ты говоришь искренно, смотришь на партнера, действуешь, а ответ получаешь не действенный, а словесный. Просто слышишь чтение текста. Может быть, партнер тоже отвечает искренно, но не так, как бы мне хотелось. Он отвечает не глядя на меня, пассивно. Получалось это потому, что у нас не было общей линии раскрытия сценических задач, раскрытия сущности действия. Никто из нас не знал, зачем и для чего мы что-то делаем на сцене. Эти обстоятельства приводили меня обычно в очень странное самочувствие. Я боялась полноценно действовать, т. е. делать так, как мне хотелось. Мне казалось, что я делаю лишние движения, выпадаю из плана образа, мешаюсь. В работе же с И. Я. Судаковым я почувствовала полную свободу, которую он нам предоставил совершенно сознательно.

Трамбовские материалы
собраны А. Гарф.